

Нагайбаки в эмиграции

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Настоящая статья посвящена истории нагайбаков, не принявших власть Советов и оказавшихся впоследствии на территории Китая и других соседних государств. Исследуются вопросы социально-правового положения нагайбаков, их адаптации в новых условиях. Нагайбаки были расселены в китайских провинциях и на пограничных с ними территориях крайне неравномерно, что не способствовало их сплочению и оформлению территориальных общин. Особое внимание уделяется судьбе Н.И. Бектеева, оставившего заметный след в истории русской эмиграции в Китае.

Ключевые слова: нагайбаки, эмиграция, Н.И. Бектеев, Тяньцзин, Синьцзян.

Для цитирования: Аминов Р.Р. Нагайбаки в эмиграции // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.70–79.

Как известно, одними из плодов Первой мировой войны стали социально-политические катаклизмы в России: революции 1917 г. и Гражданская война. Последняя породила такое явление, как массовая российская эмиграция, в том числе и казачья.

В ноябре 1917 г. в так называемом дутовском мятеже участвовали нагайбаки станиц Кассельская и Остроленская. Одна из причин участия нагайбаков на стороне Дутова могла заключаться в происхождении жены атамана (Александра Васильева была нагайбачкой из Остроленской станицы), именно поэтому у нагайбаков Дутов пользовался особой популярностью [1, с.47]. Супруга атамана Дутова после его смерти переехала в китайский город Тяньцзин и жила там [3, с.101].

Нагайбаки пос. Париж разделились в своих взглядах на ситуацию в период Гражданской войны. В частности, есть сведения, что зажиточная часть парижан поддержала дутовцев, а бедная, напротив, встала на сторону красных, возглавляемых братьями Кашириными, а также В.К. Блюхером. Нагайбаки пос. Кассель в целом были на стороне белых, среди красных касселевцев отметим А.П. Ишимова, который вовремя предупредил Каширина о положении дел в Касселе. Послевоенный голод 1920-х гг. серьезно осложнил ситуацию в нагайбакских селах. К примеру, смертность в пос. Кассель доходила до 15 чел. в день, к тому же деревню охватила эпидемия тифа. По рассказам нагайбаков, многим из них пришлось уйти с Дутовым в Китай [3, с.101, 104].

По мнению историка Олега Ратушняка, мотивы ухода казаков за рубеж были различны. Одни казаки вынужденно стали эмигрантами, боясь

репрессий большевиков, другие же ушли, поддавшись эмоциям, ну и наконец, небольшая часть эмигрировала с целью воссоединиться с родными [16, с.156].

Интересны судьбы отдельных нагайбаков. Так, по словам краеведа Светланы Вдовиной, ее дед предпочел остаться и принять новую власть. Дядя Нины Ишмекеевой (пос. Париж) – Тимеев состоял в армии Дутова и дошел с ним до китайской границы, где был застрелен [3, с.102].

Стоит отметить, что большая часть представителей офицерской династии нагайбаков Альметьевых приняла Советскую власть и не оказалась в числе эмигрантов. Единственным обнаруженным нами эмигрантом из данного знатного рода является Альметьев Николай Михайлович (1872–1938). В 1918 г. он занимал должность начальника казачьего и инородческого отдела штаба Оренбургского войскового округа, был в составе генерального штаба Юго-Западной армии, участвовал в так называемом голодном походе 1919 г., к истории которого мы еще вернемся. Позднее, как и многие выжившие участники данного похода, он оказался в эмиграции в Китае. В 1920 г. в Синьцзяне принял участие в формировании войск бригады Брянцева, которая создавалась с целью нападения на СССР, кроме этого выясняется, что Николай Михайлович дал поручение офицеру Бектееву обратиться к германским и японским консулам за помощью оружием и деньгами. Есть также сведения, что Альметьев в 1935 г. разведчиком Ширмером привлекался как шпион германской разведки. 6 июня 1938 г. он был арестован НКВД Узбекской ССР и обвинялся в том, что с 1917 г. по день ареста был одним из активнейших участников контрреволюционной белогвардейской организации [4, с.89].

Казачи другой нагайбакской офицерской династии Бектеевых также были в числе эмигрантов. Одним из них являлся Георгий Бектеев (умерший около 1952 г.) [4, с.112], но о его судьбе известно крайне мало. Куда больше информации о Николае Ивановиче Бектееве, к судьбе которого мы вернемся позднее.

В этой связи нельзя не сказать, что в открытых источниках нами обнаружена информация о том, что знаменитый полковник Оренбургского казачьего войска Гавриил Васильевич Енборисов по происхождению нагайбак. Кроме того, ошибочно утверждение, что пос. Арси, в котором проживал Енборисов, был образован нагайбаками. В фамилии Енборисов есть тюркская основа, имя Енборис, или Янборис, несомненно, тюркского происхождения, но наш опыт изучения ревизских сказок и метрических книг поселений нагайбаков показывает, что в них не встречаются персоны с фамилией Енборисов, или Янборисов, учитывая, что фамилии нагайбаков получили распространение еще в первой половине XIX в. Не остается никаких сомнений в том, что Енборисов не имеет никакого отношения к нагайбакам, но не исключено, что его далекие предки когда-то были крещены, и род развивался обособленно от нагайбаков в русской среде [7].

За счет отхода остатков белой армии, гражданского населения и казаков в Китай в 1917–1922-е гг., можно говорить о русской колонизации. И.В. Чапыгин выделяет три волны данных миграций. Первую он датирует концом 1919 – началом 1920 г. (кризис Омского правительства, его падение и прибытие каппелевцев в Забайкалье), вторую – октябрём 1920 г. (время падения власти атамана Семенова в Забайкалье) и, наконец, третью – концом 1922 г. [22, с.35].

В конце декабря 1919 г. 11-й Оренбургский казачий полк (ОКП) в составе отходящих войск армии адмирала Колчака оказался в пределах г. Красноярск [8, с.48]. Месяцем ранее начался так называемый ледяной поход, в ходе которого менее чем за четыре месяца (с 14 ноября 1919 г. по 11 марта 1920 г.) был совершен почти 2500-километровый конно-пеший переход от Барнаула до Читы. В данном героическом событии участвовали и нагайбаки [11, с.126].

11 марта 1920 г., в последний день перехода к Чите, штаб 11-го ОКП и его сотни расквартировались в близлежащих деревнях. Всех больных, которых было около половины, разместили в госпитале г. Чита, а здоровых после небольшого отдыха призвали к исполнению священного долга для борьбы с большевиками. Через пару дней полк перекинули на Амурскую железную дорогу для продолжения данной затянувшейся борьбы. Так закончилась эпопея ледяного похода по Ангаре, Лене через Байкал казаков 11-го ОКП и 3-го Барнаульского стрелкового полка. Больше двух месяцев эти военные части находились в непрерывном движении, оказавшись в итоге в Забайкалье [8, с.80, 81, 83–84].

В марте 1920 г. оренбуржцы в составе отряда генерала Бакича, входившего в Семиреченскую армию атамана Анненкова, насчитывавшую более чем 10 тыс. чел. без учета беженцев, оказались прижатými красными частями к китайской границе вблизи г. Чугучак. Нагайбаки, а вместе с ними и другие оренбуржцы (1600 чел.) во главе с новоиспеченным губернатором Семиреченской области А.И. Дутовым перешли русско-китайскую границу и были интернированы у г. Кульджа. Все данные воинские соединения вкүпе с примкнувшим к ним гражданским населением к 1922 г. были окончательно распределены: часть вернулась домой, часть офицеров, солдат и казаков ушла на Дальний Восток, часть разъехалась по городам Китая: Шанхай, Харбин, Тяньцзин и Пекин [22, с.35–36].

6 февраля 1921 г. в г. Суйдун был убит атаман А.И. Дутов. Данная весть быстро распространилась среди казаков, находившихся как в Западном Китае, так и на Дальнем Востоке. По результатам собрания оренбургских казаков в г. Харбин от 1 марта, было принято решение назначить на вакантный пост Н.С. Анисимова, который должен был вести сложную работу по объединению находящихся вдали от Родины казаков ОКВ, взяв на себя ответственность за них [6, с.146–147]. Позднее стал известен факт необоснованной растраты Н.С. Анисимовым денежных средств из войсковой казны, что послужило причиной его отстранения от занимаемой

должности. 16 февраля 1923 г. оренбургскими казаками в качестве войскового атамана ОКВ за рубежом был избран генерал И.Г. Акулинин, который узнал о своем назначении лишь в июне 1923 г., так как на момент своего избрания он находился в Париже [17, с.180].

В китайских провинциях оставались тысячи военных и гражданских беженцев, неуверенных в своем будущем, так как их правовое положение требовало корректировки [15, с.102].

Надо отметить, что российская эмиграция в Китай, в том числе и казачья, оказалась значительной. Есть данные, что там обосновалось до 250 тыс. россиян, основной контингент которых расположился в Маньчжурии, Харбине, Шанхае и других близлежащих районах. Доля казаков среди бывших российских граждан, эмигрировавших в Харбин до 1923 г., составляла примерно 15%. Общее же количество казаков-эмигрантов, осевших в Китае, приближалось к 25 тыс. чел. [18, с.73].

Нас прежде всего интересует численность оренбургских казаков, осевших на территории Китая. В 1923 г. на заграничной территории Дальнего Востока проживало свыше 5000 оренбургских казаков-эмигрантов, из которых 1200 чел. осели в Кульдже, 800 чел. – в Маньчжурии, 700 чел. – в лагере в Сайдине, по 500 чел. обосновались в Харбине в полосе отчуждения КВЖД, а также в лагере в Гучене, 150 чел. – в лагерях Гирина, еще меньше – 100 чел. – в лагере Чань-Чуня, в лагере Южсина было 50 чел. и т.д. [23, с.60–61]

Несомненно, чтобы управлять всей этой массой, необходимо было создать определенные организации, что не заставило себя ждать. Осенью 1922 г. был создан «Союз казаков на Дальнем Востоке», который возглавил атаман Семенов. «Союзу казаков» подчинялись и казачьи станицы, образованные в Харбине, в частности Оренбургская казачья Дальневосточная станица и другие станицы на восточной линии КВЖД. Главными задачами «Союз казаков» ставил следующие: свергнуть коммунистический режим, установить в России законность и порядок, и, наконец, сообразности защите интересов казаков и закрепить их права в будущем государстве [23, с.72–74].

В некоторых китайских областях наблюдалось превалирование казаков определенного войска. В частности, в провинции «Трехречье» практически в абсолютном большинстве преобладали казаки Забайкальского войска [2; 18, с.73]. Кроме Трехречья, нами не обнаружено областей, которые были бы населены конкретными казаками того или иного войска.

Помимо Трехречья и Харбина русская община формировалась и в провинции Северо-Западного Китая – Синьцзян. В составе так называемой русской диаспоры были не только этнические русские, но и евреи, узбеки, киргизы, казахи и другие народы. Пестрый этнический состав способствовал и конфессиональному разнообразию – мусульмане, иудеи, баптисты, католики и старообрядцы [12, с.43].

В начале 1920-х гг. вышел ряд указов, заметно ограничивавших права русских эмигрантов в Китае. В частности, русским адвокатам запрещалось вести дела в китайских судах, теперь дела эмигрантов из СССР являлись прерогативой сугубо китайских судей и адвокатов [15, с.104–105]. Кроме этого, 23 сентября 1920 г. властями Китая был издан закон, согласно которому упразднялись российские дипломатические консульские учреждения. Таким образом, все русские, находящиеся в Китае, были подчинены юрисдикции местных законов [10, с.161].

На примере Шанхая мы можем наблюдать, что, несмотря на выход ряда указов, ограничивающих в правах русское население Китая, в целом такое положение не ущемляло их свободу. Так, они получали право работать там, где хотели, иметь движимое и недвижимое имущество, собственные госпитали, школы, храмы, подтверждалась свобода слова и печати, а также созыв различного рода собраний и образование общественных организаций. Эмигрантов допускали и к выборам муниципального совета – по сути дела правительства г. Шанхай [10, с.163].

Возвращение казаков на Родину осложняла политика советских властей, которые 5 января 1922 г. опубликовали декрет от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых лиц, находящихся за границей» [14, с. 198].

Оренбуржцы, в их числе и нагайбаки, находясь вдали от Родины, кроме казачьей службы зарабатывали на жизнь, будучи занятыми поденными работами, извозом, лесозаготовками, строительством, земледелием и скотоводством, охотой и рыболовством, торговлей, служили в частных государственных учреждениях [23, с.62]. В то же время, несмотря на обустроенность казаков, есть сведения о том, что в июне 1927 г. в Тяньцзине (русской колонии), где проживало порядка 7 тыс. чел., были лица, необеспеченные, немалая часть которых была представлена казаками. Сложная ситуация с трудоустройством спланивала казаков – они объединялись в артели носильщиков и грузчиков, работали на черновой работе, заменяя на этих вакансиях китайцев, некоторые из эмигрантов попрошайничали [10, предисловие, с.5; 17, с.204].

Заметно облегчала жизнь нагайбакам-эмигрантам деятельность различного рода организаций, таких как, к примеру, основанный в январе 1923 г. Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), задачами которого были: обеспечить беженцев бесплатным питанием, оказать им необходимую юридическую и медицинскую помощь, а также содействовать в трудоустройстве и предоставлении общежития [14, с.199].

Некоторые из нагайбаков вполне успешно существовали в чужой и незнакомой для них среде. Так, Азарий Иванович Леонтьев в Китае сумел сколотить состояние, открыв часовую мастерскую и ювелирный магазин. Примечательно, что он вернулся на Родину только в 1957 г. Есть данные, что решившие вернуться раньше Леонтьева погибли в НКВД. Азарий Леонтьев сумел привезти с собой некоторую часть своего состояния, вшив

в одежду золотые украшения, всем своим родственникам он раздарил часы [3, с.102].

Въезд в СССР был довольно проблематичным. Эмигранты могли получить заграничные визы и свидетельства на возвращение домой только после восстановления их в правах ЦИК СССР. В случае же желания эмигранта получить гражданство ему следовало прожить в Китае не менее пяти лет, обладать имуществом, а также работой, которая беспрепятственно позволяла бы ему жить на территории государства. Позднее, во 2-й половине 1920-х гг., российские беженцы обязаны были прописываться по месту своего жительства, которое выдавали на разные сроки: три месяца, полгода, год [15, с.155, 190, 197].

Государственный переворот в Синьцзяне 1933 г., осуществленный силами бывших русских белогвардейцев 12 апреля, казалось бы, заметно должен был укрепить авторитет белогвардейцев во внутривластной жизни провинции [5, с.19–20]. Но не все так однозначно.

Несмотря на все тяготы эмигрантской жизни, отношение российских эмигрантов к демобилизации носило негативный характер. В частности, генерал Н.И. Бектеев в 1934 г. заявил: «Трехлетняя война в Синьцзяне легла тяжелым бременем на плечи русских. За это время русские нажили себе много врагов внутри Синьцзяна. Сейчас эта война закончена. Часть русских распускается по домам. Встает вопрос, каким путем русские, уходящие по домам, смогут обеспечить себе безопасное проживание. Опыт 14-летнего нахождения в Синьцзяне говорит за то, чтобы русские, пользуясь своим настоящим положением, могли получить и обеспечить заслуженные права. Нужна гарантия безопасности. Я, выражая свое мнение от всего командного состава и рядовых, считаю, что для русских в таких городах, как Кульджа и Чугучак, необходима своя милиция. Без собственной милиции, без оставления части оружия у демобилизуемых русские могут подвергнуться опасностям со стороны своих врагов» [15, с.365–366].

В 1934 г. произошел так называемый Чугучакский инцидент, суть которого состояла в том, что находившиеся в городе русские части были незаконно разоружены по приказу командующего войсками Китая генерала Джао. Эмигранты полагали, что в отношении китайцев будут предприняты какие-либо санкции, но этого не последовало [5, с.20].

Ситуация достигла апогея 10 ноября 1934 г., когда в ходе банкета у дубаня (высшее должностное лицо с военно-административными функциями), проведенного по случаю возвращения Русского отряда с места боевых действий, произошел интересный случай, наглядно демонстрирующий отношение к русским эмигрантам: так, при входе в зал генерал Николай Иванович Бектеев был обезоружен охраной дубаня в присутствии своих же офицеров и гостей мероприятия, последовавшие вслед извинения дубаня – Бектеева не устроили. Покидая зал, он оставил свой маузер и намеренно при всех присутствующих, сказал: «В дни осады я ежедневно являлся в Ямынь к дубаню в полном вооружении, и никто тогда меня не

обезоруживал». Кроме этого, он дал слово не брать больше в руки оружие, вернув его дубаню, а также не надевать военную форму, тем самым он дал понять, что в период опасности его признавали, а теперь китайские власти начали забывать его заслуги [5, с.20–21].

Созданное японскими властями в 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) ставило целью улучшить экономическое положение русских. С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. была введена карточная система на получение продовольственных и промышленных товаров. Любые организации: банки, фирмы, частные фабрики, мастерские, как русские, так и иностранные – необходимо было зарегистрировать в Бюро [9, с.70].

В неблагоприятной обстановке находились нагайбаки Харбина, где осуществлялась тотальная слежка, процветали доносы и следовавшие за ними допросы и пытки. При БРЭМ был образован переселенческий отдел под руководством хорунжего М.Н. Гордеева, в задачи которого входило устройство эмигрантских поселков в глухой провинции, где переселенцы занимались охотой, земледелием, скотоводством. Харбин таким образом вычищался от эмиграции. Данный план был осуществлен и в таежных районах Восточной линии (КВЖД). В начале 1930-х гг. значительно окрепли позиции Г.М. Семенова. Большая часть русских эмигрантов в Китае в конце 1930-х – начале 1940-х гг. проявляла лояльность к японским властям или же оказывала формальное сопротивление, уклоняясь от воинской службы в Квантунской армии. Покинув Маньчжурию, они оказывались в южных и юго-восточных районах Китая, в некоторых случаях – в других странах [20, с.187–194].

Участие русских эмигрантов во внутренних делах в провинциях сводилось к отстаиванию своих прав. 19 мая 1934 г. было образовано Русское экономическое общество (РЭО). Председателем данной организации стал генерал-лейтенант Н.И. Бектеев, полковник И.В. Глушков стал его заместителем, а секретарем РЭО назначили подполковника Л.Н. Аллеманова [15, с.369].

С началом Второй мировой войны положение эмигрантов резко изменилось и отнюдь не в лучшую сторону: исчезли многие центры российской эмиграции в Азии и Европе, последовали новые исходы казаков уже из Китая в другие страны мира, в их числе были и нагайбаки. Таким образом, казакам пришлось вновь приспособиваться к совершенно иным условиям существования в США, Австралии, странах Латинской Америки [19, с.256–257; 21, с.80]. Особняком стоит ситуация в Харбине, где в августе 1945 г. начались аресты местных жителей сотрудниками контрразведки СМЕРШ (смерть шпионам – *Р.А.*). В общей сложности из 36 тыс. 711 русских, учтенных БРЭМ к 1 октября 1942 г., порядка 15 тыс. арестовали в августе-сентябре 1945 г. Новые власти Китая были категоричны в отношении русских эмигрантов: ущемляли в жилплощади, снабжении топливом и продовольствием. После выхода в 1954 г. указа советского правительства, кото-

рый разрешал эмигрантам вернуться в СССР при условии участия в освоении целинных земель, русские покидали Харбин [9, с.71–72].

Подытоживая, отметим, что, оказавшись на территории Китая, оренбургские казаки стали заложниками своей судьбы. Возвращение домой означало верную смерть, многие из них это понимали. Новая власть не была заинтересована в возвращении и нахождении контингента, который выступил против большевистского режима. Получившие гражданство в Китае и устроившие более или менее свою жизнь, нагайбаки и сами не хотели возвращаться в родные пенаты, где не было уверенности в завтрашнем дне.

В новых условиях некоторые из нагайбаков сумели достичь определенных высот. Прежде всего имеется в виду Азарий Иванович Леонтьев, сумевший сколотить состояние, благодаря открытию часовой мастерской и ювелирного магазина, но, несмотря на это, вернувшийся на Родину в 1957 г. Китайские власти охотно использовали казаков, имевших опыт военной службы, в налаживании внутривосточных конфликтов, и они неплохо справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, Николай Иванович Бектеев являлся одной из знаковых казачьих фигур, обосновавшихся в этой местности.

Несмотря на определенные права, такие как свобода слова, печати, отсутствие запретов при трудоустройстве, нагайбакам было сложно адаптироваться к новым условиям. Казаков, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, поддерживали созданные в 1920-х гг. всевозможные организации, такие как Восточный казачий союз (1923 г.), различного рода комитеты помощи, Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), Русское экономическое общество (РЭО) и т. д. В 1929–1931 гг. эмигрантские общины русских пополнялись также оказавшимися здесь по результатам проведения коллективизации другими казаками. К концу Второй мировой войны большая часть казаков, получивших гражданство Китая, осталась там навсегда, другая часть переселилась поближе к границе с СССР. Усматриваются нагайбаки во второй половине XX в. и в Ханты-Мансийске, в котором они проживают до сих пор. Очевидно, что Вторая мировая война способствовала новой, но гораздо менее значительной по масштабу волне эмиграции.

Источники и литература

1. Аминов Р.Р. Татары-казаки Оренбургского казачьего войска в 1917 г. // Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.): сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С.44–48.
2. Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). Благовещенск: Издательство АмГУ; ООО «ИПК «ОДЕОН», 2016. 480 с.
3. Белоруссова С.Ю. Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 304 с.

4. Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. 676 с.: ил.

5. Долдин Н.И. Пути земные. Т.2. Илийский край. Жизнь и судьба соотечественников переселенцев с Урала, Алтая, Семиречья в поисках Беловодья, время военных и мирных событий в Илийском крае. Томск: [б.и.], 2016. 221 с.

6. Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. М.: Вече, 2014. 288 с.

7. Енборисов Гавриил Васильевич. Википедия. Свободная энциклопедия: [Электронный ресурс] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Енборисов,_Гавриил_Васильевич (дата обращения: 23.01.2022).

8. Зуев А.В. В борьбе за Родину (Оренбургские казаки в борьбе с большевиками). Харбин: [б.и.], 1937. 136 с.

9. Капран И.К. Условия жизни русских харбинцев в 1930–1940-е гг. // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / отв. ред. Ли Яньлин, ред. кол.: А.М. Буяков, С.Ю. Еремин, А.А. Забияко, И.К. Капран, М.Б. Сердюк; пер. на кит. яз., лит. ред. Чжоу Синьюй и др. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. С.68–73.

10. Красноусов Е. Шанхайский русский полк // Белая эмиграция в Китае и Монголии / составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С.160–373.

11. Мацакова В.М. Великий Сибирский Ледяной поход (к 100-летию трагедии Белой армии) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. №2 (23). С.126–129.

12. Мецзяков А.Ю., Антропов О.К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал фронтальных исследований. 2017. №2(6). С.30–58.

13. Мусеев А. Туристический портал Челябинской области. Фершампенуаз у них – столица, а Париж – село: [Электронный ресурс] URL: http://www.карта74.рф/tourism/articles/fershampenuaz_u_nih__stolica_a_parizh__selo/ (дата обращения: 18.03.2022).

14. Наземцева Е.Н. История русской эмиграции в Китае 1920–40-е гг.: эволюция правового статуса // Человеческий капитал. 2012. №5 (41). С.198–205.

15. Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в Китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2018. 477 с.

16. Ратушняк О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №6. Ч.2. С.156–158.

17. Ратушняк О.В. Казачье Зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): Дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2017. 533 с.

18. Сергеев О.И. Вторая мировая война и исторические судьбы российской казачьей эмиграции // Россия и АТР. 2021. №4. С.71–81.

19. *Сергеев О.И.* Исход в Китай, исход из Китая: войны первой половины XX в. и российская казачья эмиграция // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Монография / под ред. д-ра ист. наук, профессора Л.И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С.256–269.

20. *Худобородов А.Л.* Казачья эмиграция в Манчжурии в период японской оккупации (1932–1945 годы) // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2002. №1. С.186–196.

21. *Худобородов А.Л., Яшина М.А.* Российское казачество на чужбине. 1920–1940-е годы: монография. Челябинск: Край Ра, 2017. 359 с.

22. *Чапыгин И.В.* Дальневосточная российская эмиграция (1920–1930-е гг.): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 94 с.

23. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция в Китае: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 171 с.

Nagaibaks in exile

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article is devoted to the history of the Nagaibaks, who did not accept the power of the Soviets and subsequently found themselves on the territory of China and other neighboring states. The issues of the social and legal status of the Nagaybaks, their adaptation to the new conditions are being studied. The Nagaibaks were settled in the Chinese provinces and on the territories bordering them extremely unevenly, which did not contribute to their unity and the formation of territorial communities. Particular attention is paid to the fate of N.I. Bekteev, who left a noticeable mark on the history of Russian emigration in China.

Keywords: nagaibaks, emigration, N.I. Bekteev, Tianjin, Xinjiang.

For citation: Aminov R.R. Nagaibaks in exile. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.70–79. (In Russian)

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: rustem_270988@mail.ru

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

К статье *Р.Ф. Масагутова, М.И. Роднова*

Семья Хабировых
и Утямышевых
(первая четверть XX в.).
Слева направо: Магруй
Мухаметзарифовна Хабирова
(урожденная Утямышева),
дочь София, дочь Рабига,
сын Муса, стоит Абдулкарим
Абдуллович Утямышев
(из фондов Стерлитамакского
историко-краеведческого
музея, г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан)

Атаман Оренбургского казачьего
войска Александр Ильич Дутов
(фото из открытых источников)

К статье *Р.Р. Аминова*

г. Харбин, ул. Новогородняя. Открытка
(первая треть XX в.)

К статье *Р.Ф. Масагутова*

Здание медресе «Нур-аль-Иман». г. Стерлитамак, ул. Богдана Хмельницкого, 73